

ВИЛЬЯ МАРИЯ

ВЕДЬМИНЫ КРУГИ.
СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ
НАРОДОВ ЕВРОПЫ О
ВИТЯЗЯХ, ВЕЛИКАНАХ,
ФЕЯХ, ГНОМАХ И
ЭЛЬФАХ

Вилья Мария

**Ведьмины круги. Сказания
и легенды народов Европы
о витязях, великанах,
феях, гномах и эльфах**

«Остеон-Групп»

Мария В.

Ведьмины круги. Сказания и легенды народов Европы о витязях, великанах, феях, гномах и эльфах / В. Мария — «Остеон-Групп» ,

ISBN 978-5-900782-08-9

Предлагаем читателям круг легенд европейских народов о героях и их возлюбленных, о принцах и принцессах, о гоблинах, феях и эльфах, словом, всё то, что в наши дни превратилось в популярнейший жанр фэнтези.

ISBN 978-5-900782-08-9

© Мария В.
© «Остеон-Групп»

Содержание

Юношеская мечта Барбароссы	6
Король Лаурин	17
Карлик из Венеции	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вилья Мария

Ведьмины круги. Сказания и легенды народов Европы о витязях, великанах, феях, гномах и эльфах

© С. Тимофеев. Переводы с английского. 2020.

© Л.И.Моргун. Редакция. 2020

Юношеская мечта Барбароссы

В течение более чем тысячи лет замок весело взирал с высоты на Франконские равнины, на долину Кинцига, с ее многочисленными реками и ручьями, прекрасными городами и деревнями.

Он принадлежал могучему швабскому герцогу Фридриху Гогенштауфенскому, чей юный, отважный сын любил этот замок больше прочих гордых замков своего отца, и часто

покидал великолепный дворец своего дяди, чтобы поохотиться в окружавших его лесах или взглянуть из его высоких окон на цветущую равнину внизу.

Отец и дядя скучали по нему. Его ясные голубые глаза и веселое выражение благородного лица казались двум серьезным, измученным войной, людям, такими радостными, что им не хотелось отпускать его от себя.

Но юный Фридрих так горячо умолял их отпустить его в лес хотя бы в последний раз, что отец и дядя с улыбкой разрешали ему это, несмотря на постоянное повторение этого «последнего раза».

Так случилось и осенью того года, когда через Германию проезжал Бернар Клервосский, с пылким красноречием призывая князя и народ помочь в освобождении Гроба Господня.

– В последний раз! – повторил молодой Фридрих, и король Конрад с герцогом Фридрихом дали ему разрешение.

Когда он вежливо поклонился, чтобы поцеловать руку своего дяди, король прошептал: «Будь готов, Фридрих, вернуться, как только мой гонец позовет тебя. Великие дела ждут нас впереди, я не смогу обойтись без твоей помощи!» Юный Фридрих улыбнулся и ответил: «Я прибуду, как только мой король и повелитель позовет меня».

Затем он ускакал прочь так быстро, словно собирался в тот день объехать весь мир. Его арабский скакун нес его, словно на крыльях, через темные леса Шпессарта, и когда последние лучи заходящего солнца коснулись вод Кинцига, поднялся по крутой тропинке к замку и по опущенному подъемному мосту въехал на двор.

Действительно ли олени и кабаны бескрайнего леса или сокровища редких старинных рукописей из архивов замка снова и снова влекли юного принца в маленькую уединенную крепость?

Так думали его отец и дядя, не зная о всепоглощающей любви Фридриха к прекрасной Геле, дочери скромного слуги. Он увидел ее, когда отдыхал во время охоты в лесу в долине Кинцига, и вспыхнувшая любовь к ней была так велика, что он был готов отказаться от всех мечтаний о будущем могуществе и величии, лишь бы жить в блаженном уединении с любимым человеком, которого он не мог возвысить до одного положения с собой.

Но влюбленные должны были тщательно скрывать свою тайну; они не осмеливались довериться никому, чтобы их рай не был опустошен, прежде чем его врата распахнутся, чтобы впустить их. Они дышали, они жили своей любовью друг к другу.

Принц с холодным безразличием встречал Гелу во дворе замка или в его коридорах, когда она выполняла порученную ей работу, а Гела низко кланялась ему, как самая последняя из его служанок, считавшая для себя величайшей честью служить принцу.

Но в тот день, когда Фридрих с раннего утра бродил по лесу с луком на плече и верными гончими рядом, можно было видеть, как прекрасная Гела идет по дороге с корзинкой в руке или с мотком пряжи, словно собираясь в ближайший город на рынок или к покупателям. Но, оказавшись в лесу, она сходила с дороги и сквозь кусты шиповника и подлесок пробиралась на вершину холма, где под сенью гигантского дуба ее ждал принц.

Здесь они весело и невинно беседовали до тех пор, пока последний солнечный луч не гас в водах Кинцига, а звук монастырского колокола не проникал под своды леса; тогда они складывали руки в молитве, прежде чем попрощаться, в надежде на завтрашнюю встречу.

Так продолжалось много лет. Их любовь оставалась чистой, их надежда – неутоленной, их вера – непоколебимой. В великолепных дворцовых залах, среди гордых и прекрасных дам, окружавших юного принца лестными знаками своего расположения, тоска по лесу в долине Кинцига, по прекрасной и нежной возлюбленной, не оставляла его сердца.

Так они встретились однажды, снова – и словно бы впервые. Фридрих прижал к своей груди белокурую головку Гелы и заговорил с ней о близком и блаженном будущем, которое должно было наступить через несколько недель, когда он достигнет совершеннолетия и сможет

открыто, как свою жену, ввести ее в свой замок в прекрасной земле Баварии, – наследство его покойной матери. И дуб над их головами тихонько шелестел, рассыпая золотые листья по прекрасным волосам Гелы, поскольку уже наступила глубокая осень.

Когда зазвучал вечерний колокол лесной обители, уже стемнело; лунный свет поблескивал на тропинке, и Гела, опираясь на руку своего возлюбленного, шла с ним до самой дороги. Но здесь лунный свет был таким ярким, что им пришлось расстаться, чтобы их не приметил какой-нибудь любопытный глаз. "Мы увидимся завтра, дорогая!" – пообещал принц, еще раз поцеловав ее в румяную щеку; затем Гела пошла по дороге вниз, в долину, а Фридрих смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду; после этого он свистнул своих собак и направился к замку.

Но здесь обычная тишина и одиночество уступили место суете и смятению. Престарелый наставник молодого принца, духовник и доверенный друг его отца и дяди, прибыл несколько часов назад в сопровождении отряда всадников. Все расспрашивали о молодом принце, поскольку сообщение должно было быть передано безотлагательно. Наконец, принц показался у подъемного моста; его красивое лицо сияло, поскольку перед его мысленным взором все еще стояла картина встречи в лесу.

Старый капеллан братьев Гогенштауфенов долго и с тревогой ожидал своего ученика; теперь же он поспешил ему навстречу так быстро, как только позволяла ему его немощь, и приветствовал так, словно не видел много лет, хотя они расстались всего лишь несколько дней назад.

Они прошли в комнату с эркерным окном, потому что в ней принц любил сидеть больше всего, ибо из нее открывался вид на окна Гелы. Они много времени провели в доверительной беседе, а свет, падавший на камни двора в течение нескольких часов после того, как в замке все уснули, подсказал Геле, стоявшей у окна напротив, что ее милый друг и его престарелый наставник обсуждают что-то очень важное.

На следующее утро люди толпой вышли из часовни замка, где старый священник, прибывший накануне вечером, произнес перед ними красноречивую проповедь, и призвал равно молодых и старых в крестовый поход в Святую землю. И не напрасно. Мужчины и юноши были готовы рискнуть богатством и жизнью, а стариков едва удалось уговорить остаться дома, – возделывать землю и защищать женщин и детей.

Люди разошлись по своим домам, чтобы наскоро уладить свои дела и сделать необходимые приготовления. В часовне остался только один человек. Это была Гела, которая, когда все вышли, поднялась со своего места и пала ниц перед алтарем, чтобы излить боль разбитых надежд, разлуки и одинокой печали, угнетавших ее сердце.

Она лежала, сложив руки, и лицо ее было искажено горем. Позади нее послышались легкие шаги, но печальная Гела, погруженная в молитву, не услышала их. Кто-то положил руку ей на плечо; она подняла глаза и увидела лицо того, из-за кого страдала.

– Гела, – сказал юный принц нежно и тихо, в знак почтения к святому месту, – Гела, мы должны расстаться! Нам придется немного подождать того счастья, о котором мы мечтали вчера! Мне трудно это вынести, но я не могу отказаться ни как принц и рыцарь, ни как сын и подданный.

– Да, – спокойно ответила Гела, – ты должен повиноваться, мой Фридрих, даже если сердца наши будут кровоточить.

– Ты будешь верна мне, Гела, ты будешь терпеливо ждать, пока я вернусь, и не отдашь свое сердце другому? – спросил принц голосом, полным боли.

– Фридрих, – сказала Гела, положив руку ему на плечо, – прикажи мне отдать свою жизнь; если бы это было необходимо для твоего счастья, я с радостью отдала бы ее. Я буду твоей во все время скорбной разлуки; а если я умру, душа моя покинет небеса по твоему зову.

Фридрих прижал ее к своему сердцу.

– Я уйду счастливый, моя Гела; опасность и смерть не грозят мне, ибо я защищен твоей любовью! Прощай до той поры, пока мы снова не встретимся в радости!

Он поспешил прочь, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы, а Гела снова опустилась на ступени алтаря и склонила голову в безмолвной молитве.

Она не услышала шагов, снова нарушивших тишину этого места, и снова подняла голову лишь тогда, когда ее плеча коснулась чья-то рука. Но на этот раз на нее смотрело не юное лицо Фридриха, а серьезное лицо пожилого священника, пришедшего позвать его возлюбленного и всех окрестных жителей в Крестовый поход.

Она вздрогнула, подумав, что он, возможно, слышал их разговор и таким образом открыл тщательно сохраняемую тайну.

– Не бойся, дочь моя, – мягко произнес старик, – я стал невольным свидетелем вашей встречи, но ваши слова попали в уши и сердце человека, призвание которого делает его хранителем многих тайн.

Гела с облегчением вздохнула.

– Ты чиста сердцем, дочь моя, – кратко продолжал старик. – Кто осмелится упрекнуть тебя за то, что ты отдала свою любовь юноше, которому Господь дал силу очарования, позволяющую завоевывать сердца тех, кто видит его? Но, дочь моя, если ты любишь его, то должна отречься от него.

Гела с ужасом посмотрела на священника.

– Да, отречься от него! – серьезно повторил тот, кивнув седой головой.

– Я не могу, преподобный отец! – прошептала девушка дрожащими губами.

– Не можешь? – сурово спросил священник. – Не можешь отказаться от своего счастья ради него, но готова отдать свою жизнь, если это понадобится для его счастья?

– Ах, преподобный отец, – запинаясь, проговорила Гела, умоляюще протягивая к нему руки, – не будьте столь суровы! Вам не понять, что значит отречься от него, а вместе с ним от всего, что я называю счастьем. Но если этого потребует его благополучие, то пусть мое сердце будет разбито.

Старый священник с нежностью посмотрел на нее.

– Ты хорошо сказала, дочь моя, – мягко произнес он. – Фридрих любит тебя всеми силами своей души и готов пожертвовать ради тебя титулом и мирскими обязанностями; но он мужчина и принц, из рода Гогенштауфенов, который должен стремиться к свершению великих, достойных похвалы дел, но стремлениям этим препятствует любовь к тебе. Когда он достигнет возраста, то будет недоволен тем, что ты стала препятствием в выполнении задач, возложенных на него благородством его предков. И тогда, дочь моя, не он один, но вся Германия будет винить тебя, ибо каждый прозорливый глаз узнает уже в этом юноше будущего вождя, которому суждено привести наше разделенное королевство к единству и величию. Разве можешь ты пожертвовать будущим своего возлюбленного, и всех нас, своему собственному счастью?

Гале поднялась, словно очнувшись от сна.

– Нет, отец мой, – произнесла она твердым голосом, хотя блеск ее глаз погас, когда она смотрела на священника, – нет, я отрекаюсь от него. Но если он когда-нибудь с горечью вспомнит о Геле, я прошу вас рассказать ему о теперешней минуте, о том, почему я сделала это: потому что его счастье для меня важнее моего. Пусть моя жертва не будет напрасной!

Священник положил свою дрожащую от волнения руку на ее прекрасную голову.

– Мир да пребудет с тобой, дочь моя!

* * *

Чудесным майским утром, спустя два года после прощальной сцены в замковой часовне, юный Фридрих ехал верхом по подъемному мосту крепости на возвышенности рядом с долиной Кинцига.

Солнце Сирии окрасило его кожу, тяжкие военные труды и горечь утраченных иллюзий оставили морщины на прежде гладком лбу, но его развевающаяся борода и волосы по-прежнему сияли золотом, а голубые глаза горели, как в былые времена.

Замковые слуги толпились, приветствуя своего любимого молодого господина, ставшего, после смерти своего отца, герцогом Швабии и их феодалом. Его царственные уста произнесли много милостивых слов, его обаятельная улыбка сияла подобно солнечному лучу. Его взгляд перебегал с одного на другого, пока не остановился на старом, согбенном человеке. Это был отец Гелы. Затем Фридрих спешился и поднялся по лестнице в свою любимую комнату.

Дворецкий поставил на стол чашу с лучшим вином, хранившимся в самом дальнем углу погреба для самых торжественных случаев, а экономка принесла восхитительное печенье, специально приготовленное для этого праздничного дня, но молодой герцог не обратил на это никакого внимания. Он стоял у эркерного окна и смотрел на окно напротив. Там, в цветочном ящике, прежде цвели левкой и розмарин, а позади них он часто видел лицо, склонившееся над прялкой, – равно которому он не видел нигде на Востоке.

Но теперь все изменилось. Цветочный ящик висел пустой, наполовину развалившийся; цветы исчезли, равно как и милое лицо за стеклом, когда-то смотревшее на него с любовью.

Холод ужасного предчувствия сковал его сердце.

– Кто живет в той комнате, с зашторенным окном? – как можно спокойнее спросил он экономку, гремевшую ключами, чтобы привлечь внимание молодого герцога к себе и своему шедевру кулинарного искусства.

Старуха подошла поближе и взглянула на окно, на которое указывал герцог.

– Увы, господин! – ответила она. – Там раньше жила Гела, добрая девушка, но два года назад, осенью, она ушла в монастырь святой Клариссы, в самой чаще леса, и стала монахиней.

Фридрих некоторое время стоял неподвижно, потом молча кивнул в сторону двери, едва сдержав стон.

Экономка ушла, а молодой человек сел на подоконник, не сводя глаз с окна напротив.

Раздался тихий стук в дверь, но герцог не услышал его из-за стука собственного сердца. Дверь отворилась, и на пороге появился тот самый старик, на котором принц остановил свой взгляд во дворе замка. Он почтительно приблизился к окну и терпеливо ждал, пока молодой хозяин заметит его. Когда тот, наконец, поднял глаза, старик увидел лицо, сиявшее прежде подобно солнечным лучам, а теперь покрытое тенью смерти.

– Милорд герцог, – сказал старик, когда Фридрих подал ему знак говорить, – у меня был единственный ребенок. Не знаю, замечала ли его ваша светлость. Когда мужчины окрестных мест отправились в крестовый поход, она ушла в лесную обитель, поскольку считала, что сможет там без помех молиться за безопасность и победу наших воинов. Перед отъездом она взяла с меня обещание передать это письмо вам лично в руки, как только вы вернетесь.

Он вытащил пергамент, зашитый в пурпурный шелк, и протянул его герцогу.

Фридрих снова ничего не сказал, но молча принял послание, ибо сердце его истекало кровью.

Старик молча удалился. Оставшись один, Фридрих разрезал шелк своим охотничьим кинжалом и вытащил пергамент; когда он развернул его, то увидел, что он написан Гелой, ибо он сам учил ее писать в их счастливые часы, проведенные в лесу; она прощалась с ним, поскольку не могла нарушить обещания, данного старому монаху.

В то время как Фридрих два года назад спешил во дворец своего дяди, священник отправился в другие части страны, призывать людей присоединиться к походу в Святую землю, и только смерть помешала ему продолжать свою миссию.

Солнце давно перевалило за полдень, но ни единый звук не нарушил тишины комнаты, в которой сидел Фридрих. Вино, принесенное дворецким, осталось нетронутым, также и замечательное печенье экономки.

Наконец, молодой герцог встал, вышел из комнаты и спустился во винтовой лестнице во двор; но когда ему подвели коня, управляющий подумал, что вряд ли это тот самый молодой, веселый принц, проезжавший несколько часов назад по мосту. Вскочив в седло, молодой человек бросил последний взгляд на пустынное окно и, не сказав на прощанье ни слова, выехал на дорогу, по которой совсем недавно прибыл в замок с надеждой в сердце. Это была та самая дорога, по которой Гела так часто ходила с ним к маленькому холму в лесу; оказавшись возле узкой тропинки, принц свел лошадь с дороги, привязал к дереву и медленно пошел по направлению к месту их прежних свиданий.

Вскоре он остановился под дубом. Его покрытая листвою крона и мох у подножия были зелеными и свежими, как и прежде. Когда принц был здесь в последний раз, он любил и надеялся, но теперь все изменилось! Он присел у корней, и стал вспоминать ушедшие мечты.

Внезапно из глубины леса донесся звон колокола. Но он не мог, как в былые дни, благоговейно сложить руки и излить скорбь в молитве. Нет, слыша звук этого колокола, теперь призывавшего Гелу, – его Гелу, – к послушанию, ему казалось: он должен броситься к монастырским воротам, стучать в них рукоятью меча и требовать: «Вернись, Гела, вернись, ибо твоя жертва напрасна!»

Но он поспешил вниз по склону к своей лошади, отвязал ее и вскочил в седло.

– Прочь отсюда, мой верный конь! – громко крикнул он. – Выбери дорогу сам, ибо любовь и горе смутили рассудок мой. Неси меня туда, где требуют моего присутствия рыцарский долг и честь повелителя!

И верное животное, словно поняв слова своего хозяина, помчалось, унося его все дальше и дальше на юг, сквозь тусклые сумерки, под ярким светом полной луны. Без отдыха, но и без усталости, оно несло его вперед, и когда на следующий день солнце поднялось в зенит, они достигли цели: молодой герцог стоял перед воротами Штауфенбурга.

Жертва Гелы оказалась не напрасной. Слова, сказанные старым монахом в то утро в замковой часовне, исполнились. После смерти своего дяди, юный Фридрих Швабский был возведен на трон Германии, и все, чего ожидал от него народ Германии, исполнилось в полной мере.

Его сильная рука дала разделенной земле единство, силу и величие, какие не смог дать ей ни один последующий правитель; а когда корона римской империи была также возложена на его голову, гордый народ Италии склонился перед Фридрихом Барбароссой, выказал ему почтение и признал его власть над собой.

Лавры многочисленных побед украшали чело императора; его род процветал, его страна была счастлива, его имя с благословением произносил каждый; и когда Гела, все еще юная, закрыла глаза на смертном одре, она знала, что не напрасно отказалась от Фридриха и своего счастья.

Вблизи своего любимого замка император основал город и назвал его в честь своей возлюбленной, – Геласхаузен; и когда, во время своих переездов, оказывался в лесу долины Кинцига, то отводил свою лошадь с дороги, привязывал к стволу дерева и поднимался на холм к величественному дубу. Там, прислонив к стволу голову, в которой посреди золотых нитей сияло множество серебряных, он закрывал глаза и видел восхитительные сны.

Люди называли это дерево «дубом императора».

Солнце Малой Азии снова озарило своими сияющими лучами голову императора, хотя теперь она сияла ему в ответ серебром.

Вопль отчаяния донесся из Земли обетованной, и заставил престарелого императора покинуть Германию; встав во главе своей армии, он повел ее со всем благоразумием, отвагой и воинским мастерством, невзирая на жар азиатского солнца, несмотря на злобу врагов, предательство, муки голода и всепоглощающей жажды.

Теплым летним вечером армия достигла крутого берега бурного горного потока. По другую его сторону лежала дорога, по которой им следовало продолжить свой путь.

Сын Барбароссы, Фридрих, «цвет рыцарства», с отрядом отборных рыцарей, смело вошел в реку и благополучно добрался до другого берега.

Император был готов последовать за ним. Не слушая предостережений своих слуг, старый герой, не ведавший, что такое страх, прищпорил своего коня и ринулся в воды Селефа. Некоторое время золотые доспехи блестели среди волн, несколько раз седая голова показалась над водой, но затем стремительные воды увлекли коня и всадника в темные глубины, и император навеки сокрылся с глаз своей армии. Доблестные рыцари и верные друзья бросились в поток, желая спасти своего императора или умереть вместе с ним, и разделили с ним его судьбу. Сраженные горем воины бродили по берегам реки, в надежде, что она хотя бы вернет им его тело. Но наступила ночь, и набросила черную вуаль на печаль и скорбь дня.

* * *

Все вокруг погрузилось в сон, еще более глубокий, чем обычно. Луна сияла высоко в небе, и в ее лучах воды Селефа мягко струились, подобно расплавленному серебру. Но вот они грозно вспенились; показалась седая голова, золотые доспехи засверкали над водой, и из воды медленно показался Барбаросса, верхом на своем верном коне. Бесшумно, император двигался по водам, и из глубин, навстречу ему, поднимались верные воины, следовавшие за императором всюду, не оставившие его и в смерти. Капли, сверкающие, подобно бриллиантам, срывались с доспехом и с легким всплеском падали в сверкающий поток.

Молча двигались они по волнам; ни единый звук не нарушал ночную тишину; вскоре они свернули к берегу и поднялись на каменистый склон.

На вершине холма Барбаросса и его безмолвные воины остановились. На мгновение взгляд императора задержался на его дремлющей армии, он вытянул руку, словно благословляя ее на прощание, затем тронул поводья, и конь с всадником, неподвластные более земному тяготению, понеслись вперед, к любимому отечеству.

Они миновали Босфор. Далеко внизу мерцали башни Константинополя с золотыми крестами на вершинах, но Барбаросса не обратил на них внимания. Его голова была наклонена, так что седые пряди развевались на ночном ветру, а взгляд был устремлен на землю, над которой, с быстротой штормового ветра, облачной тропой, мчались лошади.

Вскоре под ними зашумели немецкие леса, и на губах императора появилось нечто напоминающее прежнюю улыбку.

На юге распростерлись итальянские равнины, забравшие лучшие годы его жизни и юношескую энергию, но император отвернулся от них. Может быть, он уже предвидел, сколько битв и сражений суждено увидеть этим полям.

Он вдохнул воздух родины. Он ощущал аромат сосновых лесов Шварцвальда, волны Неккара мерцали под ним и вот, в серебристом сиянии полной луны, он увидел Штауфенбург, колыбель императорской семьи.

Барбаросса поднял руку, благословляя его зубчатые стены и башни, но продолжил свой путь на север.

В ночной темноте под ним зашумели леса Шпессарта, ни один лунный луч не мог пробиться сквозь их пышные кроны. А потом блеснули воды Кинцига, показались стены Геласхаузена, а на вершине холма – любимый замок императора, с высоким эркерным окном и окном комнаты Гелы напротив.

Барбаросса склонился к холке своего коня и окинул взглядом места, где был счастлив юношей.

Вскоре он оказался над дорогой, а затем и над знакомым лесом и раскидистым «императорским дубом». Голова старика все еще была склонена, словно его взгляд мог пронзать переплетенные кроны деревьев. До его слуха донесся чистый звон колокола. Внизу, в монастыре, возносили полночную молитву, и эти звуки, когда-то едва не разбившие ему сердце, сейчас действовали словно заклинание, способное вернуть любимый образ. Грудь его вздымалась, как в былые времена, одновременно от радости и горя; «Гела, моя Гела!» – сорвалось с его губ и достигло монастыря, в подземелье которого упокоилась его любимая.

Но кони продолжали свой неспешный путь по золотой равнине Тюрингии к горе Кифхойзер, где Фридрих Барбаросса должен был сегодня вечером держать совет со своими верными рыцарями, о народе Германии и его будущем.

Замок, в былые дни так часто открывавший ему и его двору свои гостеприимные ворота, в чьих залах устраивались многочисленные веселые пиршества, о чьем богатстве и великолепии

рассказывают нам старинные хроники, – этот замок по-прежнему оставался грозной неприступной крепостью, но Барбаросса не стал стучать в его ворота.

Лошади тихо опустились на землю и остановились у потайного входа на склоне горы.

Император ударил мечом по камню, и громкое эхо разнеслось по проходу. Отворилась каменная дверь, и Барбаросса со своими верными рыцарями вошел в просторный зал горы Кифхойзер. Еще не успела закрыться скала позади них, когда послышались тихие шаги, запахнулись волшебные ворота, и вошла прелестная Гела, облаченная в свадебный наряд, в каком ее положили в гроб.

Рука смерти коснулась ее сердца, но не погасила любви. Когда крик Фридриха достиг ее слуха, она открыла глаза, словно пробудившись от глубокого сна, и покинула склеп, чтобы отыскать своего возлюбленного. И теперь стояла перед ним, красивая и грациозная.

Юношеская мечта Барбароссы осуществилась. Гела, его первая любовь, была рядом с ним, чтобы заботиться о нем так, как не могла бы делать это в земной жизни. Именно она, оставшаяся верной ему, отныне правила волшебным королевством Кифхойзера и заботилась о любимом и его рыцарях. Только она знала, как тоскует сердце Барбароссы при воспоминаниях о славном прошлом. Она приводила рыцарей, – его верных товарищей в священной войне, – в зал. Они рассаживались вокруг мраморного стола, за которым сидел Барбаросса, с длинной седой бородой, обвевавшей его, подобно императорским горносталям, и они, за золотыми кубками, наполненными из неисчерпаемых запасов горных погребов, вспоминали славные дни, которые провели когда-то вместе, о «золотом веке» Священной Германской империи. А менестрели, ходившие с ним в Святую землю, и вернувшиеся в заколдованную гору, настраивали свои инструменты, и песни, рождавшиеся в их душах, устремлялись к их губам и громким эхом отдавались под заколдованными сводами Кифхойзера.

Когда сердце Барбароссы жаждало известий об отчизне, Гела в полночь выходила через дверь в скале, спускалась вниз по «Золотому лугу», прислушивалась у дверей и заглядывала в окна. Обо всем, что видела и слышала, о причитаниях и радостях, она честно рассказывала императору по возвращении. А то, что не сумела увидеть и услышать Гела, видели и слышали другие глаза и уши. Как когда-то, вороны Одина слетали из жилищ богов в жилища людей, чтобы поведать небесному правителю обо всем, что случилось на земле, так и те вороны, которые вили свои гнезда в расселинах Кифхойзера, летали над равнинами, слушая слова радости и горя, и приносили их в свои жилища.

В тихий полуночный час, гора разверзалась, и маленькие гномы, тайно обитавшие в сводчатых залах, выскальзывали в лунном свете и, подобно Соломону, знавшему язык птиц, слушали, о чем переговариваются вороны. Затем они несли эти вести старому императору, перед которым являлись время от времени, чтобы наполнить его сокровищницу золотом.

Щедрой рукой Барбаросса отдавал часть этих сокровищ благочестивым и честным смертным, которых Гела приводила в волшебное королевство Кифхойзера, чтобы ее возлюбленный мог радоваться, видя новое поколение, хоть и отличавшееся от того, которое было в его дни, но все еще хранившее с любовью память о благородном Барбароссе и лелеявшее надежду на его возвращение на землю.

Крепость на холме пришла в упадок. Там, где когда-то слышались шаги воинов, паслись стада, но раз в столетие, в полночь, замок представлял во всем своем древнем великолепии; гремел подъемный мост, сторожа подавали громкие и ясные сигналы, трубя в рога, а по замковому двору, через двери с вырезанными над ними гербами, в ярко освещенные залы, проходила блестящая процессия. Барбаросса вел за руку прелестную Гелу, а за ними следовали его рыцари и вассалы, жаждавшие вдохнуть воздуха верхнего мира.

Но в то время, как рыцари проводили несколько коротких часов за пиршественными столами, среди удовольствий прошлого, император и Гела поднимались на самую высокую стену замка и с тоской смотрели вниз, на равнины любимой Германии.

Все вокруг было окутано сном. Ночь и спокойствие смирляли заботы, терзавшие днем человеческие сердца, и наполняли их надеждой.

– Они спят и видят сны, – говорил старый император, – но придет день, мой народ проснется и увидит: то, что разделяет сейчас их сердца, ушло навеки. Храбрецы извлекут из ножен мечи и покроют их славой. Менестрели разнесут ее в своих песнях, и в нашей великой единой Германии наступит мир и благоденствие, от Северного моря до прекрасных равнин Италии. Тогда и мы обретем вечный покой.

Так говорил престарелый император, глядя вверх зубчатой стены, простирая руки и благословляя свое бывшее королевство. Но едва на востоке занимался первый проблеск зари, Барбаросса и его Гела спускались вниз, веселье прекращалось, процессия возвращалась через замковый двор и мост обратно в гору, а позади них волшебный замок таял в утреннем тумане.

* * *

Настало желанное утро, народ проснулся, прекратились междоусобицы. «Единство и сила», как было завещано ему его императором, сплотили людей отныне и до века.

Теперь Барбаросса может упокоиться, ибо от Северного моря до равнин Италии гремит слава великого объединенного отечества.

Так исполнилось пророчество престарелого императора, бывшее мечтой его народа.

Король Лаурин

В Тироле, где проживает великое множество добрых маленьких гномов, есть прекрасная долина, в которой в давние времена стоял большой фермерский дом, владелец которого переселился сюда с другой стороны гор, соблазненный красотой и плодородием этого замечательного места.

В те дни еще можно было найти хороших слуг, преданных своему хозяину и его семейству. Но фермер считал, что старые слуги – лучше новых, поэтому привез с собой слуг с другой стороны высокого горного хребта.

Наступила весна; зазеленели горные пастбища, пора было выгонять стада из долины; но старая пастушка, в течение многих лет делавшая это, добросовестности и умению которой фермер полностью доверял, заболела и умерла.

Это вызвало у него некоторое беспокойство, поскольку для выпаса скота на горных лугах все было готово.

– Ступай в нашу родную долину, Тони, – сказал старый фермер своему единственному сыну и наследнику. – Там живет моя пожилая кузина; говорят, ее дочь – славная девушка; может быть, тебе удастся уговорить ее стать нашей пастушкой.

На следующий день, рано утром, молодой человек отправился выполнять поручение.

Ночные тени все еще прятались между скал, словно сказочные великаны, но вершины ледника уже сияли утренним светом. Юноша, привыкший к красотам родных гор, едва замечал величие Альп, но спешил вперед, беспокоясь за скот. Вскоре он добрался до узкого горного перевала между двумя высокими ледниками, от которого дорога спускалась вниз, в его родную долину.

Здесь стоял высокий крест, с перекладиной, простершейся к ледникам, подобно огромным рукам; если бы он мог говорить, то мог бы поведать об опасностях, подстерегающих путешественников, один из которых, в благодарность за свое спасение, воздвиг его в этом пустынном месте.

Тони опустился на колени, чтобы помолиться, как это было принято в те времена в той стране. Голова его была низко опущена, так что он не видел мрачного лица, смотревшего на него с одного из ледников.

Несомненно, его вознесли туда орлиные крылья, ибо на эту высоту, казавшуюся расположенной ближе к небу, чем к земле, не мог подняться ни один человек. И все же фигура стояла спокойно, прямо, твердо. Длинные серебристые волосы струились по плечам, вокруг головы вспыхивало нечто вроде солнечных лучей или таинственной диадемы из карбункулов, а темные глаза пронзали даль и останавливались на коленопреклоненном, проникая в глубину его сердца.

Молодой человек поднялся и начал спускаться по извилистой тропе в долину. Призрак на высоком леднике долго глядел вслед удаляющейся фигуре, а затем пошел, уверенным шагом, не оскальзываясь, по сверкающему ледяному полю.

* * *

Ближе к вечеру Тони снова сидел у подножия креста, а рядом с ним – прелестная девушка. Она положила узелок на землю у своих ног, сложила руки на коленях и со смешанным выражением горя и пробудившейся надежды смотрела в лицо своего спутника.

Ее мать умерла несколько дней назад, а бедность даже в те добрые старые времена была горькой, что бедная сирота познала на собственном опыте. Потому что староста деревни прямо сказал ей: дом, в котором она жила со своей матерью, теперь принадлежит другой вдове, и Вренели должна сама искать свою дорогу в этом мире.

Многие жены фермеров были бы рады нанять добрую Вренели в прислуги, но грубые слова старосты так напугали ее, что она решила не оставаться в негостеприимной долине; она едва связала свои вещи в узелок, когда пришел Тони, предложить ей приют в доме своего богатого отца.

Она с радостью согласилась, потому что фермер был ее родственником, пусть и дальним, а она боялась оказаться среди чужих людей. И так, они вдвоем с Тони отправились по горной тропинке, и сейчас присели отдохнуть под старым крестом, болтая о пустяках.

Красота и невинность Вренели поразили сердце Тони, и он вдруг сказал ей, что любит ее, и что она, и только она, должна стать его женой. Вренели стиснула руки и всей душой прислушалась к этим его словам. Ах! как сладко звучали они после той грубости, которая сделала ее такой несчастной несколько часов назад! Ее сердце преисполнилось благодарности и любви к мужественному юноше, который так великодушно отдавал свое сердце и свой дом бедной сироте.

– Но я бедна, Тони, и сегодня в полной мере почувствовала, какое это зло, – бедность, – сказала она, наконец.

– Это не имеет никакого значения, Вренели! – весело ответил Тони. – У меня хватит всего на нас двоих. И мне не нравится богатая невеста, которую выбрал для меня мой отец, она глупа и уродлива. Когда мои родители увидят тебя, они непременно тебя полюбят, ты такая хорошая и красивая! А когда ты станешь пасти скот в горах в течение лета, и пригонишь потучневшее стадо осенью, ты станешь моей женой, – полагаю, я сумею уговорить моих родителей.

– Ах, это было бы чудесно! – сказала Вренели, улыбаясь. – Я бы очень любила тебя, и заботилась о твоих старых родителях! Но ты ведь не смеешься надо мной, Тони?

Молодой человек обнял ее.

– Как ты можешь говорить так, Вренели? Разве я не люблю тебя больше всех на свете? Если это заставит тебя поверить, я готов поклясться тебе в любви и верности под этим крестом, – поклясться, что никто, кроме тебя, не будет моей женой.

Он взял ее руку и произнес клятву. Вокруг них царил полная тишина, и только духи гор слышали их; лучи вечернего солнца озаряли крест и заплетенные волосы Вренели, словно благословляя ее; в то же время, высоко на вершине ледника, стояла темная фигура, наблюдавшая за Тони, когда он утром молился в этом месте. Бедная сирота и ее возлюбленный не видели мрачного выражения лица, взиравшего на них с ледника, но слова торжественной клятвы Тони были донесены вечерним ветерком до ушей одинокого старика.

Он бросил испытующий взгляд на коленопреклоненного юношу, но когда глаза его остановились на милой девушке, слушавшей слова клятвы, суровое выражение исчезло с его лица, и в его морщинистых чертах проступили следы каких-то печальных воспоминаний, казалось, пробудившихся при виде ее грации и красоты. Он слегка наклонился вперед, так что его блестящие локоны заструились серебряным потоком, и глаза его с тоской следили за двумя молодыми людьми, когда те весело отправились дальше. Но вскоре холмы и долины тусклой пеленой окутали сумерки, и удаляющиеся фигурки исчезли из виду.

Богатый фермер владел обширным пастбищем на горе, и Вренели должна была единолично присматривать за пасущимися на нем стадами, в то время как на другой горе бродили стада, принадлежавшие другим жителям деревни, под присмотром нескольких пастухов.

– А теперь, Вренели, – сказал поутру старый фермер, когда коров выгнали из стойл и они начали подниматься по хорошо знакомой им горной тропе под музыку колокольчиков, звеневших у них на шеях, – теперь, Вренели, следует тебе исполнять свой долг добросовестно и заботиться о моих стадах; и если результаты твоего труда будут лучше, чем у прежних моих пастушек, за вознаграждением дело не станет.

Вренели покраснела и украдкой взглянула на Тони, стоявшего позади отца; она не могла не подумать о награде, которую тот обещал. Она заверила фермера, что исполнит свой долг, попрощалась с домочадцами, а затем повернулась и отправилась вслед за стадом.

Тони пошел с ней; он хотел показать ей пастушеский домик и самые хорошие пастбища, на которых должны были пастись стада, переходя каждый день на новое, пока, наконец, снова не вернуться на первое, к тому времени снова покрывшееся свежей травой.

Было прекрасное весеннее утро. Далекий ледник сиял солнечным светом; колокольчики на шеях коров мягко звенели; на краю потока, пенившегося у поросших мхом скал, цвели дикие цветы. Но что значила эта внешняя красота по сравнению с цветущим миром в их сердцах?

Они обменивались взглядами, словами и счастливыми улыбками. Только когда коров подоили и поместили на ночь в загон, Тони попрощался. Вренели стояла в дверях хижины, сложив руки и глядя ему вслед глазами, полными слез счастья, пока он не скрылся за поворотом дороги.

Внутри уютного домика, пока она наполняла молоком сосуды и наводила порядок, ей все время казалось, будто она слышит его ласковые слова; его карие глаза смотрели на нее из каждого угла. Любовь и надежда придавали ей силы, так что работа казалась детской забавой. Затем, когда работа была закончена, и огонь в камине погас, она снова вышла за порог.

Поначалу она посмотрела на ночное пастбище, где мирно отдыхали стада. Время от времени какое-нибудь замечательное животное поднимало голову, и тогда колокольчик на его шее тихо звенел; ночной ветер мягко шелестел листвой высоких деревьев. Затем взгляд ее обратился к долине и лунным лучам, спускавшимся в своих серебристых одеждах вниз по каменистой тропинке к деревне; она доверила им передать туда свое нежное любовное послание. А когда она вернулась в хижину, то опустилась на колени у замшелого очага и помолвилась, вплетая в слова молитвы слова благодарения. Ее последней мыслью перед тем, как она заснула, было: она – самая счастливая пастушка, а ее Тони – самый красивый и верный друг во всем Тироле.

Солнечные дни сменялись ночами, наполненными мечтами о счастье. Когда первые солнечные лучи сверкали на вершине ледника, внизу, в долине, начинали звенеть колокольчики коз, и пастух вел стадо на сочные высокогорные луга, недоступные прочим животным.

Вренели радостно бежала ему навстречу, потому что он всегда приносил какое-нибудь послание от Тони или иной знак его любви. После чего, с радостным возбуждением, приступала к исполнению своих ежедневных обязанностей. Коровы покидали свое ночное пристанище и подходили к Вренели на дойку, после чего она отгоняла их на новое пастбище.

И пока скот пасся там, она, прислонившись к скале, внимательно следила за вверенными ей попечению животными, чтобы какое-нибудь случайно не оказалось слишком близко у обрыва или, соблазнившись особо сочной травой, росшей в изобилии у потока, не было унесено его стремительными водами. А когда на гору опускался вечер, окрашивая ледник в великолепие красных и пурпурных красок, козий пастух гнал свое стадо обратно в долину, и получал из рук Вренели букет горных фиалок для ее возлюбленного.

Она же снова гнала коров к дому, на дойку. Но ее работа на этом не заканчивалась. Она продолжала возиться в хижине, и луна и звезды долго смотрели вниз, на дремлющую гору, прежде чем Вренели заканчивала расставлять сосуды с молоком в погребе, или раскладывала сушиться свежий сыр, или раскатывала лепешки золотистого масла.

После чего, прочитав молитву, она ложилась на свое скромное ложе, и даже если ночную тишину нарушил далекий грохот сходящих лавин, а горный поток ревел совсем неподалеку от крошечной хижины, Вренели спала сладко, словно ребенок, а над ее головой на золотых крыльях парили мечты о любви и доме.

* * *

Так пролетали недели, пока не настал день, когда масло и сыр, накапливавшиеся в хижине, должны были быть перенесены на ферму. Старый фермер и Тони должны были прийти за ними, как сказал накануне Вренели козий пастух, и она дрожала от радостного возбуждения, поскольку собиралась доказать: стада доверены умелым рукам.

Наконец, – как часто она с нетерпением смотрела на дорогу, – старый фермер с трудом поднялся наверх, но за ним шли двое слуг с высокими корзинами на спинах, а вовсе не Тони, как она ожидала.

Вренели испытала горькое разочарование, но сдержалась и спокойно вышла навстречу своему хозяину. Несмотря на солнечное утро, лицо ее хмурилось, и не прояснилось даже тогда, когда она провела фермера в кладовую и показала ласкающие взгляд ряды жирного сыра и золотистого масла. Их молча сложили в корзины, и слуги отправились домой с тяжелой ношей.

Затем Вренели провела фермера на луг, где паслись стада, и его острый глаз подсказал ему, что животные накормлены и ухожены. Он не ошибся, доверив ей свое имущество, и должен был признать это, пусть и с неохотой. «Ты хорошо постаралась, Вренели; продолжай так же, как начала», – сказал он ей. Как неприветливо прозвучали эти слова по сравнению с теми, с которыми он отправлял ее в горы! Затем, когда он повернулся, собираясь вернуться домой, она вежливо пригласила его отведать оладьи, которые приготовила по обычаю тех мест; он отказался, все время выглядя таким мрачным, что Вренели не осмелилась спросить о Тони, хотя сердце ее трепетало от тревоги и тоски. Он ушел, а Вренели стояла и смотрела ему вслед, печальная и разочарованная.

Наступил вечер, огонь в очаге так же ярко, как прежде, освещал прекрасное лицо Вренели, но сегодня оно не было радостным. Движения ее были вялыми, время от времени по щекам скатывались слезы.

Почему Тони не пришел, как обещал? Почему так мрачен старый фермер? Почему козий пастух отказался взять обычный букет фиалок, в обмен на который она рассчитывала получить весточку от Тони? Это были вопросы, от ответа на которые зависело счастье ее жизни, и не было никого, кто мог бы ответить на них.

Она печально вздохнула. Послышался тихий стук в дверь, которого Вренели, погруженная в свои невеселые мысли, не услышала; но дверь отворилась сама, и на пороге появилась таинственная фигура. Длинные серебристые волосы струились по плечам, а в добрых глазах читалось величие, которое не придается ни диадемой, ни пурпурным одеянием. От изумления, Вренели выронила чашку с молоком и низко поклонилась, как какому-нибудь королю; затем вытерла низкую скамью перед камином, – единственное место, которое могла предложить гостю, – и пригласила своего странного посетителя сесть.

Старик приветливо кивнул, сел к огню, подпер голову обеими руками, так что его серебристые волосы почти касались земли, и устремил на Вренели такой пытливый взгляд, что ей показалось, – он заглянул ей в самую душу.

– Почему ты сегодня такая грустная, Вренели? – спросил он наконец мягким голосом.

Вренели вздрогнула. Откуда этот незнакомец, казалось, пришедший из далекой страны, мог знать ее имя? Она посмотрела на него с благоговейным страхом.

– Ты ничего не скажешь мне? – проговорил старик, сопровождая свой вопрос ласковым взглядом.

– Я сирота, – ответила она, наконец, – и иногда меня охватывает мучительное чувство одиночества.

– И это все, Вренели? – спросил старик. – Разве не можешь ты довериться тому, кто желает тебе добра, у кого есть и сила, и желание помочь тебе? Ты думаешь, я ничего не знаю о тебе? Разве не видел я вас на перевале под крестом? Разве не слышал я клятвы юноши и не видел, как любовь и надежда изгнали печаль из твоего сердца? С той самой минуты я стал твоим другом. Неужели ты думаешь, что твоя забота и бдительность смогли бы уберечь твой стада и крышу твоей хижины от опасностей? Когда ты спала на своем ложе из мха, и прекрасные сны возносили твою душу на золотые луга, я сторожил там, на скале, и предупреждал стихии, чтобы они не смели тревожить тебя; я направлял лавины и снежные бури в сторону, и

только самые нежные ветры и ласковый свет звезд касались твоего лица. Ты все еще не доверяешь мне, Вренели?

Вренели сложила руки и поближе придвинулась к старику.

– Благодарю вас за покровительство, – сказала она, еще раз низко поклонившись. – Кто бы вы ни были, вы стали для меня благодетелем, и имеете право на мое полное доверие. Но скажите мне, как прочли вы мое сердце и узнали о моей любви к Тони? Ибо вы уже знаете причину моей печали. Меня беспокоит то, что произошло сегодня; я не могу понять, что случилось. Но больше всего меня огорчает то, что я так ждала встречи с Тони, а он не пришел.

Старик бросил испытующий взгляд на ее прекрасное лицо; она стояла, освещенная ярким светом камина, и ее голубые глаза смотрели на него с печалью и трогательным доверием.

– Не хочешь ли ты увидеть его сейчас? – спросил он.

Глаза Вренели вспыхнули восторгом.

– Но, Вренели, исполнение наших желаний часто приносит нам нечто совершенно отличное от наших ожиданий. Мы ищем верность, а находим предательство.

– Ах! – ответила она с простодушной самоуверенностью. – Со мной такого не случится. Тони добр и честен; к тому же, разве он не дал клятву под крестом?

– Ах, милое дитя! – ответил старик, и болезненные воспоминания омрачили его лицо. – Если бы каждая нарушенная клятва хоть на шаг приближала нас к луне, мы уже давно ступили бы на нее поверхность.

– Незнакомец, – уверенно произнесла Вренели. – Может быть, за свою долгую жизнь ты и повстречал достаточно клятвопреступников, чтобы потерять веру в природу человека, но ты не знаешь моего Тони!

– Будь по-твоему, Вренели, раз уж ты этого хочешь, – сказал старик, вставая, – хоть мне и хотелось избавить тебя от боли.

И они вместе вышли в ночь.

Ведомая стариком, Вренели поднялась на вершину скалы, с которой он по ночам наблюдал за ней и ее стадами. Они подошли к краю пропасти. Далеко внизу, под покровом темноты, стоял дом Тони. Высокие каменные стены и обширные пастбища отделяли ферму от них; ни один человеческий глаз не был способен проникнуть на такое расстояние.

Но старик сорвал ветку с высокой сосны над ними и велел Вренели заглянуть в крошечное узловатое отверстие. Она так и сделала; ее тревожный взгляд устремился к ферме. Она смотрела сквозь освещенные окна в хорошо обставленные комнаты. Дорогие сосуды и украшения, обычно бережно хранившиеся в шкафах и сундуках, сегодня были расставлены на праздничном столе, вокруг которого весело болтали и смеялись самые знатные жители деревни. Рядом с родителями сидел Тони, а рядом с ним – богато одетая девушка. Его глаза сияли, губы улыбались и шептали, совсем как в тот вечер, когда он поклялся в любви и верности Вренели под крестом на горе. Угрозы отца и богатство невесты, избранной для него, быстро изменили намерения Тони, и пока кроткая Вренели, тревожась, искала причину, почему он не пришел, ветреный юноша нарушил свою торжественную клятву и обручился с нелюбимой, но богатой невестой.

Вренели молча смотрела на эту сцену, а затем, когда уже не могла сомневаться в неверности возлюбленного, опустила ветку и отвела глаза, чтобы ночь и расстояние скрыли от нее сцену, разрушившую ее надежды. Так же молча, она спустилась со скалы, но не стала искать укрытия в своем домике. Она прошла мимо него и бесцельно побрела дальше в горы. Казалось, она поставила своей целью добраться до самой высокой точки ледника.

– Вренели, – раздался голос рядом с ней. – Вренели, куда ты идешь?

Она повернула голову, точно во сне. Безграничная печаль отразилась в ее нежных чертах, а некогда яркие глаза были холодны и неподвижны.

– Куда? – тихо повторила она. – Я хотела бы снизойти в могилу, но так как это невозможно, я уйду так далеко, как только смогу.

– Пойдешь ли ты со мной, Вренели? – спросил старик. – Мой дом станет твоим, а любовь и верность, утраченные здесь, ты отыщешь в нем в тысячекратной мере.

Вренели посмотрела ему в глаза.

– Кто вы, добрый старик? – спросила она дрожащим голосом.

– Я – король Лаурин, повелитель могущественного народа гномов, на протяжении веков связанный с людьми верной любовью. Отпечаток божественности, который мы, духи, распознали в вас, и перед которым смиренно склоняемся, привлек нас к вам. Но с каждым поколением нам становилось все труднее жить с вами бок о бок, пока, в конце концов, презираемые и обманутые, в ответ на нашу доброту и помощь, мы не удалились в глубины гор. Там, в сердце скалы, чье чело венчает сверкающий ледник, стоит мой дворец, украшенный моим народом всем великолепием драгоценных камней, которые, скрытые от глаз смертных, сияют глубоко в недрах земли.

Там я живу, но вот уже несколько лет я живу одиноко, ибо моя единственная дочь, последний цветок пышной гирлянды, умерла давным-давно. Ее сад с розами, ухаживать за которым было для нее величайшим наслаждением, все еще цветет неувядаемой красотой, но

всякий раз, как мой взгляд падает на его чудесные цветы, я с грустью думаю о моем давно потерянном ребенке. Ты, Вренели, такая же чистая девушка, как и она, и с того момента, как я впервые увидел тебя и заглянул в твои глаза, мне казалось, я вновь обрел свое дитя. Я присматривал за тобой с отеческой заботой и теперь готов любить тебя, как свою дочь.

– Бедный одинокий король! – с нежной жалостью произнесла Вренели, и по ее щекам потекли слезы. – Я пойду с тобой в твой горный дворец. Я буду любить и почитать тебя, как когда-то любила и почитала тебя твоя дочь, и буду ухаживать за розовым садом, который она так любила, потому что у меня нет ни дома, ни сердца, которое любило бы меня. Но исполни одну мою просьбу, прежде чем я покину солнечный свет.

– Только попроси, и все будет исполнено!

– Ах, король Лаурин! – сказала Вренели, и слезы чаще побежали по ее щекам. – Я еще молода; я впервые испытала разочарование, и хотя сердце мое почти разбито, у меня еще осталась слабая надежда. Я не могу полностью поверить в то, что Тони забыл меня.

Король Лаурин еще серьезнее, чем прежде, посмотрел на плачущую девушку.

– Нет, нет, не сердись! – воскликнула она, простирая к нему руки умоляющим жестом. – Не считай это глупой слабостью; вспомни, что понадобились сотни лет, прежде чем твое благородное сердце ожесточилось против людей. Я знаю, что друзья уговорили Тони пойти на этот шаг, но он все еще любит меня, и ему будет горько, если я покину его, не попрощавшись. Когда он завтра окажется на перевале, ведя свою невесту на свадьбу в соседнюю долину, позволь мне выйти ему навстречу, когда он будет проходить мимо моего дома, позволь мне проститься с ним, прежде чем навеки расстаться с миром.

– Будь по-твоему, дитя мое, – грустно ответил король Лаурин. – Но ты всего лишь доставишь себе новое горе. А теперь, Вренели, уже поздно. Ступай в свою хижину, ложись спать и забудь о своих горестях хотя бы на несколько коротких часов.

– Ах, нет! – умоляюще произнесла Вренели. – Позволь мне остаться здесь, под звездами. Я боюсь одиночества, ожидающего меня в доме. Где бы я ни была, я не смогу заснуть, тени бывшего счастья тревожат мою душу. Нет, позволь мне остаться здесь и разделить эти часы с тобой.

Они взобрались на скалу и сели рядышком под высокими соснами. Вренели сложила руки и смотрела на звезды, в то время как ее молитва о мире и утешении возносилась к Тому, Кто восседает на небесном троне.

Не было произнесено ни слова. Король Лаурин молча смотрел на залитый лунным светом ледник, а мысли его возвращались к тысячелетним воспоминаниям, в то время как на лице Вренели лежала глубокая тень ее горя.

Постепенно веки ее сомкнулись, и голова опустилась на плечо старого короля. Он нежно обнял дремлющую девушку и простер правую руку вдоль ледника.

Песнь ветра в ледяных расселинах внезапно стихла, но лунные лучи по-прежнему играли на зазубренных вершинах; подобно сверкающим змеям, они перемещались по похожему на стекло льду, а затем медленно текли широким блестящим потоком вниз по дороге, сделанной из хрусталя. Горный поток прекратил свой рев, и тихо струился по своему каменистому ложу.

Ночь, повисшая над горой, казалась всего лишь приятными сумерками; в мягком, ароматном воздухе время от времени звенел колокольчик на пастбище, где отдыхал скот. Все было спокойно. Ничто не двигалось; лишь летний ветерок и золотой свет звезд осмелились приблизиться, чтобы поцеловать заплаканную щеку девушки, прикорнувшей в сладком забытии к плечу старого короля.

* * *

Наступило утро, щеки Вренели побледнели, когда она вспомнила о предстоящем расставании с тем, кого когда-то называла «мой Тони». Но она была полна решимости исполнить свой долг до конца, поэтому погнала стада на пастбище, вдоль которого проходила дорога, чтобы находиться рядом с животными и присматривать за ними, ожидая Тони и его невесту.

Солнце поднималось все выше и выше, минуты мучительного ожидания казались бедной девушке часами. Внезапно она услышала голоса и громкий смех, и вскоре из-за скалы показались две фигуры. Впервые с того утра, когда она пригнала сюда стада, Тони оказался лицом к лицу с бедной сиротой, чье счастье разрушил; он вздрогнул, увидев ее прекрасное, но смертельно бледное лицо. На мгновение он вспомнил свою клятву. Тогда богатая невеста, стоявшая рядом с ним, насмешливо воскликнула: «Полагаю, это и есть та самая служанка, про которую твой отец говорил, будто она возмечтала стать женой богатого фермера? Как только такая фантазия могла прийти в голову нищенке?»

Презрительные слова глубоко проникли в израненное сердце Вренели.

– Я никогда бы сама об этом не подумала, – печально ответила она. – Но этого хотел Тони, потому что он любил меня, и моя бедность не казалась ему препятствием.

– Как! – надменно произнесла невеста. – Тони, это совсем не то, что ты сказал мне вчера вечером. Разве ты не говорил мне, что никогда не думал о ней и всегда мечтал жениться только на мне? Скажи этой девушке, что она лжет, или, если ты этого не сделаешь, ты волен выбрать эту нищенку себе в жены. У меня и без тебя достаточно женихов!

Тони покраснел от стыда и досады, но поспешил выместить свой гнев не на надменной невесте, а на бедной невинной Вренели.

– Ты врешь, нищенка! – воскликнул он. – Я никогда не давал тебе никаких обещаний и никогда не любил тебя!

– Тони, – мягко ответила Вренели, – не навлекай на свою голову несчастий, отягощая себя ненужной ложью. Ты забыл свою клятву под одиноким крестом на перевале? Я не сержусь на тебя за то, что ты покинул меня. Может быть, так заставили тебя поступить твои родители, но я не могла не прийти проститься с тобой и не пожелать вам счастья и благополучия.

– Оставь свое прощание и пожелание при себе! – воскликнул Тони, бледнея от гнева и стыда. – Ты была глупа, если восприняла мои слова всерьез. Я – и нищая, подобная тебе!

С громким язвительным смехом он отвернулся, подал руку своей невесте, и они пошли дальше, больше не сказав ей ни слова и не оборачиваясь.

Вренели смотрела ему вслед в безмолвном изумлении. Значит, мудрый король был прав: она встретила лишь новое горе; новый удар был сокрушительнее прежнего. Она обернулась и увидела позади себя короля Лаурина, ставшего невидимым свидетелем позорного предательства Тони. Его глаза горели, но он не произнес ни слова. Вренели поклонилась и поднесла ладони к своим дрожащим губам.

– Я готова следовать за тобой! – произнесла она тихим голосом.

Скала разверзлась перед ними; Вренели бросила прощальный взгляд на полуденное солнце, а затем, ведомая рукой короля Лаурина, вошла в волшебное царство гномов.

В то же мгновение с покрытых снегом склонов ледника сорвалась лавина, с гневным грохотом покатилась вниз, и у того самого креста, возле которого Тони когда-то поклялся в любви и верности Вренели, настигла его и его бессердечную невесту, похоронив их тела так глубоко под снегом, что их так и не нашли. Так король Лаурин отомстил за свою приемную дочь.

* * *

Вренели обрела дом, а вместо одного никчемного сердца, которое она потеряла, тысячи сердец бились, верные и неизменные в любви к ней.

Король Лаурин любил ее так же, как когда-то свое потерянное дитя, а она отвечала на его ласку всей теплотой своего юного сердца; маленькие гномы исполняли каждое ее желание с такой милой готовностью, с какой некогда служили своей принцессе.

Она ухаживала за розовым садом, разбитым рядом с хрустальным дворцом короля, с такой любовью, что он снова расцвел, как в те дни, когда цветы нежно ласкали руки принцессы, и сладкий аромат, которым розы наполняли ее душу, исцелил рану преданной любви.

Она не скучала по солнечному свету в этом сказочном королевстве, потому что мягкий свет невидимых звезд освещал его днем и ночью; она не тосковала по земле, потому что жила среди вечной весны; теплые ветры целовали ее в лоб, дикие серны, робкие обитательницы горных пустынь, приходили с неизменной доверчивостью, позволяя ей гладить себя белоснежными руками.

Много раз, звездными ночами, она выходила с королем Лаурином к вершинам ледника, чтобы взглянуть на дремлющую землю. Ее взгляд, обостренный светом волшебного мира, пронизывал даль и ночную тьму; и она смотрела, даже без помощи «волшебного кольца», далеко за пределы границ, ограничивающих человеческое зрение. И то, что когда-то изгнало ее в королевство гномов, она видела всегда и везде, – печаль, несправедливость и неправду.

Она заглядывала во многие бедные хижины и сердца, исполненные печали, после чего поворачивалась к старому королю, стоявшему рядом с ней, почтительно целовала его руку и говорила, улыбаясь: «Идем, король Лаурин, вернемся в наш дом, в наше мирное королевство, где неизвестны слезы, ложь и непостоянство».

Карлик из Венеции

Прекрасный мягкий весенний вечер спускался на горы и пастбища Тироля. Последние лучи заходящего солнца, под звуки вечернего колокола, струились по тихой деревенской улице, переливались через ручей и проникали в открытые окна крепкого фермерского дома, стоявшего на краю маленькой долины. Дом окружал аккуратный резной балкон, оконные стекла

блестели, подобно зеркалам, – все свидетельствовало о том, что его хозяин, – человек состоятельный.

За столом, в обшитой дубовыми панелями гостиной, сидел сам фермер, но, несмотря на видимое благополучие, он казался недовольным и несчастным, поскольку между бровями у него залегла глубокая морщина, а глаза потемнели. Напротив него сидела его красивая молодая жена, чьи нежные глаза с тревогой смотрели на лицо мужа. На коленях она держала свое единственное дитя, – прелестную маленькую девочку с голубыми, как лен, глазами, и золотыми волосами; девочка сложила маленькие ручки, как это делала ее мать, пока вечерний колокол продолжал призывать к молитве; но глаза ее печально смотрели то на блины, грудой лежавшие на блестящей оловянной тарелке, то на мальчика, сидевшего в дальнем конце стола, благоговейно сложив руки.

Это был Ганс, сын бедного родственника, которому богатый фермер с необычайной щедростью предоставил место в своем доме и за своим столом, взамен чего тот должен был каждый день гонять коз в горы на самые высокие пастбища, в места, недоступные другим стадам. Он только что вернулся со своими беспокойными подопечными и принес маленькой Аннели, сидевшей на коленях у матери, букет альпийских роз, потому что очень любил девочку.

Колокол перестал звонить, руки разжались, мать принялась раскладывать нежные блины. В дверь тихонько постучали, и в комнату вошел маленький человечек в темной поношенной одежде. У него была согнутая спина, – то ли от тяжести прожитых лет, то ли от котомки, висевшей на плече; волосы были серебристо-седые; но темные блестящие глаза говорили о том, что в этом немощном теле живет неистребимо стойкий дух.

– Добрый вечер, господин, – смиренно произнес маленький человечек, – позвольте мне попросить у вас немного еды, потому что я умираю с голоду, и немного отдохнуть на вашем сеновале, поскольку я смертельно устал.

– Ты и в самом деле, – сердито сказал фермер, – принимаешь мой дом за харчевню для нищих? Если так, то мне жаль, что у тебя такое плохое зрение. Поищи в другом месте, потому что здесь ты не найдешь того, что спрашиваешь!

Карлик с удивлением посмотрел на хозяина дома, который, несмотря на гостеприимство, свойственное жителям страны, мог подобным образом гнать бедняка от своих дверей, но фермер не обратил внимания ни на его удивление, ни на умоляющий взгляд жены.

– Нет, жена, – резко произнес он, – на этот раз ты своего не добьешься. Я не стану распахивать двери своего дома перед нищими. Разве я не сделал тебе уступку насчет этого парня? С тебя хватит.

Ганс густо покраснел при этом намеке на его бедность, но когда маленький человек со вздохом развернулся и покинул негостеприимный дом, сочувствие к старику взяло верх над страхом перед хозяином; он схватил тарелку с блинами, большой кусок хлеба, только что данный ему женой фермера, и выбежал из комнаты.

– Что он собирается сделать? – сердито спросил фермер.

– Он делает то, что должны были сделать мы, – ответила его жена с кротким упреком на лице. – Он делит свою трапезу с беднягой.

– Да, да, – проворчал тот. – Птицы одного полета всегда сбиваются в стаи.

Старик, тем временем, устало плелся по двору, но едва подошел к воротам, как Ганс схватил его за руку.

– Возьми, добрый человек, – сказал он со смешанным чувством жалости и страха. – Это мой ужин. Иди сюда, присядь у колодца и поешь.

Старик внимательно посмотрел на мальчика.

– А что останется тебе, дитя мое, если ты отдашь мне свою долю?

– Ах, это не имеет значения, – равнодушно ответил Ганс, подводя карлика к каменной стене, окружавшей колодец. – Я не очень-то и голоден, а добрая жена фермера даст мне еще, если я ее попрошу.

Старик сел и начал есть, а Ганс с удовольствием наблюдал за ним. Вскоре тарелка опустела, и карлик с благодарностью поднялся, собираясь отправиться дальше и попытаться найти ночлег под более приветливым кровом.

Ганс проводил его до ворот и торопливо прошептал:

– Не думай плохо о фермере за то, что он тебе отказал; он не всегда так груб, но сегодня его сильно огорчили: его не переизбрали старостой деревни, – успеха добился его злейший враг; он принял это очень близко к сердцу и любой, кто попадет ему под горячую руку, испытывает на себе его огорчение. Вот что я скажу: вон там, справа, на скале, по которой тропинка поднимается в гору, стоит сеновал, крышей своей упирающийся в камень. Я сплю там, и если ты поднимешься на скалу и подождешь меня, я открою люк, ты сможешь забраться ко мне и переночевать на сене.

– Ты хороший мальчик, – сказал старик, – я сделаю, как ты говоришь, и буду ждать тебя там, на скале.

Была уже ночь, когда Гансу, наконец, разрешили идти спать. Более проворно, чем обычно, он вскарабкался по узкой лестнице на сеновал и быстро отворил люк в крыше.

Над горой висела полная луна, большая и яркая; ее бледные лучи играли на зубчатом выступе ледника и плели серебристую вуаль среди лесов, украшая горный пейзаж.

Старик молча сидел на выступе скалы; его руки были сложены на коленях, голова непокрыта, ночной ветер слегка шевелил его седые волосы. Но старик не обращал на это внимания. Его глаза пристально смотрели в ночное небо, словно он мог, подобно провидцам древности, читать тайнопись звезд, и черты его лица были облагорожены таким величественным выражением, что мальчик смотрел на него с удивлением, не смея потревожить.

– Не сердитесь, господин, – наконец сказал он, – что я беспокою вас, но ночь становится холодной, начинает выпадать роса. Разве не лучше будет вам в теплой постели?

Старик вздохнул, словно с неохотой возвращаясь мыслями со звезд. Затем он приветливо кивнул мальчику, подошел к люку и спустился на чердак. Молча улегся на душистое сено и уже хотел закрыть усталые глаза, когда почувствовал, как теплая рука мальчика обняла его.

Тот снял с себя куртку и теперь осторожно накрыл ею старика, чтобы ночной ветер не заморозил его. С молчаливой улыбкой старик принял этот дружеский знак, и вскоре их глубокое дыхание засвидетельствовало то, что они крепко уснули. Прошло несколько часов, когда что-то, похожее на вспышку молнии, разбудило мальчика. Он быстро поднялся; люк был открыт, а старик деловито рылся в своей сумке; он только что вынул из нее блестящее ручное зеркальце, и лунный свет, отраженный от него, разбудил мальчика.

Карлик закинул сумку на плечо, взял зеркало в руку и начал осторожно подниматься через люк на скалу.

Ганс не вытерпел.

– Ах, господин, – взмолился он, – возьмите меня с собой в горы, ибо о том, что вы туда направляетесь, мне сказала зеркало в вашей руке. Моя дорогая матушка часто рассказывала мне о горном зеркале, с помощью которого можно заглядывать в глубины земли и видеть, как сверкает и переливается металл в ее жилах. И хотя вы этого не сказали, я все же знаю: вы – один из тех таинственных незнакомцев, которые приходят из дальних стран, чтобы найти в наших горах золото, скрытое от наших глаз. О, возьмите меня с собой!

Старик взглянул на мальчика.

– Это праздное любопытство, дитя мое, – серьезно произнес он, и глаза его засверкали так же ярко, как несколько минут назад сияло его зеркало. – Оставайся дома и паси свои стада, как подобает хорошему мальчику.

– О, господин, нет, – горячо взмолился Ганс, – я всегда мечтал увидеть чудеса гор, я буду нем, как рыба, увидев эти чудеса, я буду помогать вам и служить вам всем, чем смогу. Возьмите меня с собой!

Старик подумал с минуту, испытующе взглянул в глаза мальчика, стоявшего перед ним с очень серьезным выражением лица, и сказал:

– В таком случае, иди, но помни о своем обещании.

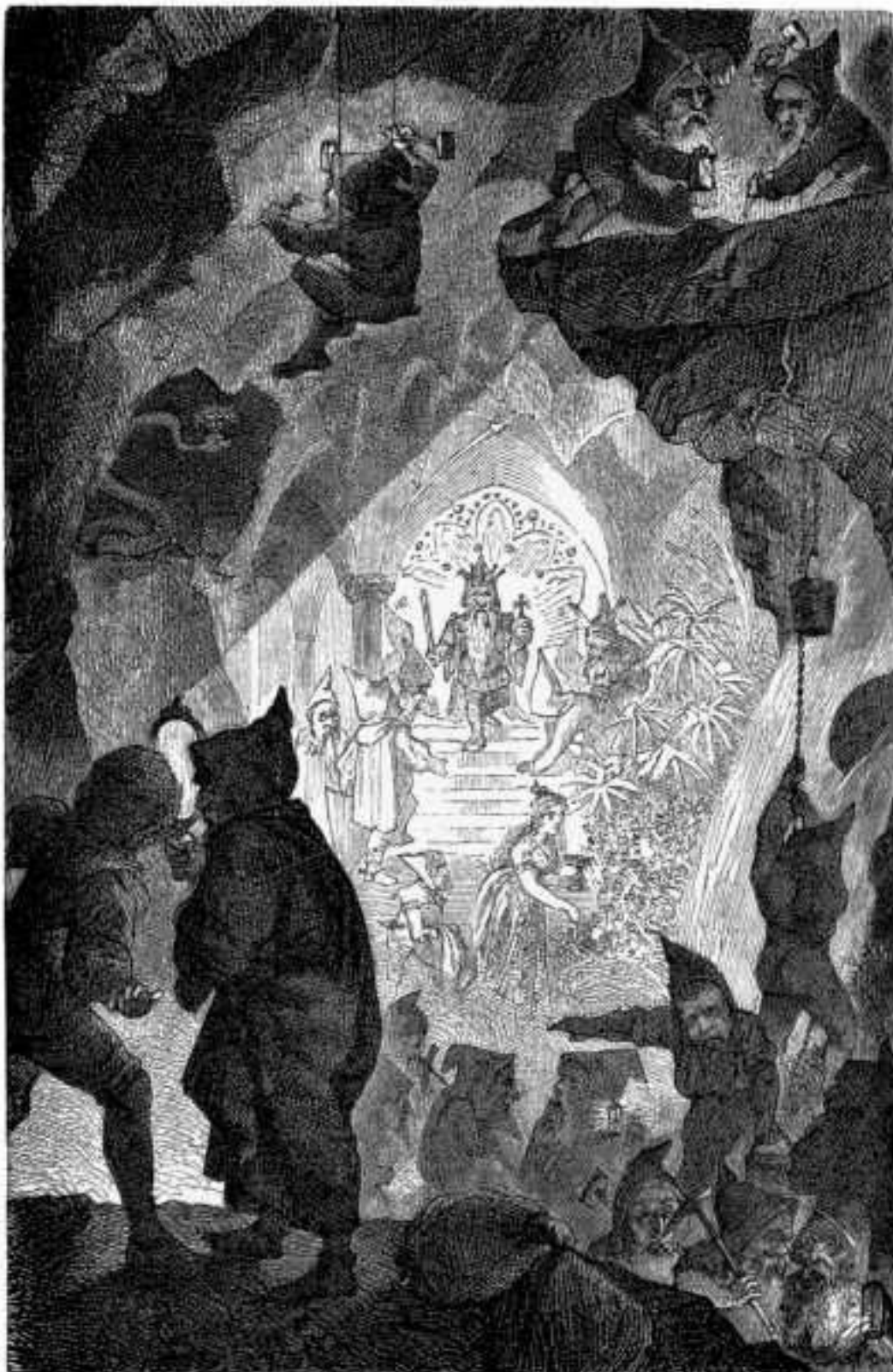
Они выбрались вместе, закрыли за собой люк и взобрались на вершину скалы, откуда широкая тропинка вела к вершинам и пропастям горы. Таинственный лунный свет падал с глубокого синего ночного неба; молодая листва букового леса сверкала серебром, трепеща на ветру. Одинокие путники бесшумно ступали по поросшей мхом земле, и только их тени суетливо двигались рядом с ними вглубь гор. Лес остался позади; тропинка вела к оврагу, на дне которого бушевал горный поток; теперь они стояли на его краю.

Никто, кроме самых отчаянных альпинистов Тироля не знает этой тропы, но даже они, снабженные башмаками с шипами и альпенштоками, поднимаются по ней с бьющимся сердцем. Но маленький человек, казалось, не замечал опасности; он бесстрашно ступал на камни и спускался вниз по склону пропасти, – где один неверный шаг означал немедленную смерть, – точно по ровной земле. Мальчик с бьющимся сердцем следовал за ним. Лунный свет пробивался сквозь нависающие кусты, выглядывал из-за высоких скал над их головами и освещал ущелье.

Путники достигли края бушующего потока, и пошли вдоль него к высокой скале, возле которой ледяная река замерла в своем каменистом русле, – казавшейся им, под покровом ночи, похожей на одного из древних великанов, согласно легендам, обращенных в камень. Даже отсюда, издалека, они видели над ее головой движущееся облако пара, парившее в свете полной луны, над бурными водами, подобно гигантскому орлу. Молочно-белые воды потока, срывающиеся с высоты, в лунном свете выглядели подобно серебристым локонам, ниспадающим с гигантской головы-скалы. Старик осторожно прошел мимо пенящейся бурной реки и вошел в узкую расселину у подножия скалы, служившую входом в самое сердце горы; здесь он снял сумку.

Сердце мальчика забило даже сильнее, чем прежде, среди опасностей бездны, когда старик молча поманил его к себе. Он держал в руке горный хрусталь; Ганс робко подошел к нему и заглянул в волшебное зеркало. Туман, непроницаемый, словно занавес, отделяющий прошлое от будущего, струился по его блестящей поверхности, но он становился все светлее и светлее, и вскоре восхищенному взору мальчика открылась внутренность горы. Сквозь широкие каменные ворота он видел Страну чудес, каких никогда не увидишь на земле. В голубом воздухе вздымались вершины Хрустального дворца; золотая крыша и окна из драгоценных камней сияли в лучах другого солнца; а в высоком, усыпанном звездами зале, восседал на изумрудном троне король Лаурин, седой владыка гномов. Вокруг него стояли его подданные, мудрые старые гномы, давно уже покинувшие надземный мир, чтобы жить под землей, в своем королевстве, мирной жизнью, где злоба и любопытство смертных не могли их потревожить. Они слушали, склонив головы в почтительном внимании к словам своего короля, а затем разошлись в разные стороны, чтобы исполнить его повеления; сам же Лаурин сошел с трона, отложив корону и скипетр, и спустился по золотым ступеням в розовый сад, за которым, искусной рукой, ухаживала его любимая дочь, единственная, оставшаяся из всех его детей. Прекрасная девушка ходила по садовым дорожкам, подвязывая молодые розы и смачивая их корни водой из золотого сосуда, который держала в руках, когда увидела приближающегося к ней царственного отца. Она поспешила ему навстречу, с почтительной нежностью взяла его сильную руку и со счастливой улыбкой повела вдоль цветущих клумб. Тем временем, маленькие гномы усердно трудились: одни вели стада серн через потайные ворота на горные пастбища верхнего мира, чтобы насладиться там земным воздухом и светом; другие спешили к чистым

серебристым источникам, орошавшим это царство, чтобы направить их благословенные воды на луга и леса детей человеческих, приумножая все, на них произраставшее; иные, взяв кирки, молотки и фонари, сделанные из драгоценных металлов, отправлялись в самое сердце окрестных гор, чтобы добыть скрытые богатства и еще больше приумножить царские сокровища, и без того бесчисленные.

Сверкающие золотые жилы пронзали камень, из темных скал били родники, чьи чистые воды переливались и искрились, словно несли с собой зерна драгоценного и столь желанного металла. В темном гроте лежало что-то светлое и неподвижное, напоминающее дремлющего орла; но, проснувшись от света, подняло украшенную драгоценными камнями голову и оказалось змеиной королевой. Капли, стекавшие по стенам грота, сверкали, подобно драгоценным камням ее диадемы; но змея снова склонила голову и свернулась клубком, готовясь уснуть, ибо хорошо знала, что маленькие карлики, в отличие от жадных сынов человеческих, никогда не протянут руку, чтобы сорвать диадему с ее головы. У источника, на коленях, стояла темная фигура, деловито собиравшая золотой песок со дна и складывавшая его в сумку, лежавшую рядом; но кто она, разглядеть было невозможно, по причине падавшей на нее густой тени. Несколько трудолюбивых маленьких человечков приблизились к ней с мерцающими фонарями, человек у источника повернул голову и приветливо кивнул им, на что те ответили тем же, словно он был их старым и добрым другом.

По седым волосам и темным глазам, полным серьезности и мудрости, мальчик узнал старика, показывавшего ему горное зеркало. Он с удивлением оторвал взгляд от волшебного стекла и только теперь заметил, что держит зеркало сам, а старика рядом с ним уже нет.

– Ах, какой же я легкомысленный; он утомляет себя тяжелой работой, а ведь я обещал помочь ему, – с укором сказал Ганс самому себе. Затем он спрятал волшебное зеркало за пазуху и повернулся к отверстию, служившему входом в сокровищницу гор. Но как раз в тот момент, когда он нагнулся, собираясь войти внутрь, старик вышел сам, неся на плече потрепанную сумку с богатым содержимым.

– Простите меня, господин, – искренне взмолился Ганс, – за то, что я не сдержал своего обещания, но я был просто околдован теми чудесами, которые видел.

– Это не беда, сын мой, – мягко ответил старик. – Мне всегда приходилось работать одному, без посторонней помощи. Все, что мне было нужно от тебя, – это отдых на сеновале и кусок хлеба. Но идем! Видишь, как облако над водопадом мерцает розово-красным цветом? Это – отражение зари. Не хочу, чтобы твои стада дожидались тебя, а твой суровый хозяин обвинил тебя в лени. Так что давай поспешим!

И они быстро отправились обратно по той же самой крутой тропинке, по которой пришли; листья буков блестели в лучах нового дня, когда они проходили через лес, а птицы едва начинали свои утренние песни.

Вскоре они добрались до выступа скалы, и через несколько минут подошли к люку. Старик скользнул внутрь, чтобы немного вздремнуть перед тем, как отправиться дальше, но мальчик и подумать не мог, чтобы лежать на чердаке, после того великолепия, которое видел; поэтому он выгнал своих коз и отвел их в горы. Но сегодня ему было невыносимо оставаться в крошечном домике горного пастуха, пока козы карабкались по отвесным скалам в поисках сочных растений, пока не придет время возвращаться, о чем возвестит удар вечернего колокола. Сегодня он поднимался вместе с ними на самые высокие вершины, надеясь найти какое-нибудь отверстие, через которое можно было бы заглянуть в волшебное царство, открывшееся его взору в волшебном зеркале.

Далеко перед ним простиралась удивительная земля, полная свежей благоухающей красоты. Это была его родная земля, сияющая невообразимым величием. Вдали сверкали хрустальные озера, а заснеженные горные вершины в лучах утреннего солнца напоминали розы в волшебном саду короля Лаурина. Но здесь не было ни дворца, ни прелестной девушки среди цветов, ни старых, но проворных гномов. Вдали, едва различимая даже самым острым глазом, по извилистой горной тропе двигалась маленькая черная точка, и вспышки, отбрасываемые на скалы, подсказали Гансу, что эта точка – старик, с его волшебным зеркалом.

– Ах, как бы мне хотелось, чтобы поскорее наступил вечер, – вздохнул мальчик, с тоской глядя на солнце, успевшее пройти едва ли четверть назначенного ему пути. Наконец, сгустились сумерки, и пастух со стадами поспешил в долину. Мальчик недолго оставался в доме. С большим куском хлеба и мяса в руке он взобрался по крутой лесенке на сеновал и, к своей радости, увидел там старика, со смиренной благодарностью ожидавшего его. Ганс, не теряя времени, лег спать, чтобы поскорее наступил час ночного путешествия; и когда глаза его потревожил яркий свет, тут же вскочил. Но разбудил его не блеск волшебного зеркала, а луч утреннего солнца. Он с удивлением огляделся; он спал так крепко, что проспал желанное путешествие. Уже совсем рассвело, козы громко призывали своего пастуха. Он бросил быстрый взгляд на своего спутника, все еще спавшего глубоким сном. Спал ли он так со вчерашнего вечера, или отдыхал после ночных трудов? Ганс этого не знал. Он быстро спустился по лесенке во двор фермы, где все уже проснулось; взял свой пастушеский мешок, висевший за дверью, с запасом пищи на весь день, и поспешил с нетерпеливо ожидавшим его стадом в горы.

Он снова смотрел вниз, сидя на своем высоком скалистом сиденье, – на цветущие луга, и видел в отдалении маленького человечка с волшебным зеркалом; он решил не смыкать глаз всю ночь. Но когда наступил вечер, и он расположился на своем ложе рядом со стариком, глубокий сон смежил его веки, и он открыл глаза, только когда их коснулись солнечные лучи. Робость мешала ему разбудить старика и высказать свое желание еще раз увидеть волшебную страну; каждое утро он отгонял коз в горы, унося с собой это свое невысказанное желание. Так прошло лето, и когда однажды утром первое холодное дуновение осени коснулось лица мальчика, за скалой, на которой он сидел, послышался шорох, и перед ним предстал старик, столько месяцев бывший его товарищем. Сумка на его плече была полна, а в руке он держал посох, словно собирался возвращаться в свой далекий дом.

– Я пришел, сын мой, – серьезно произнес маленький человек, – чтобы поблагодарить тебя за пищу и кров, и спросить, есть ли у тебя какое-нибудь желание, которое я мог бы исполнить.

Ганс воскликнул от радости, но старик предостерегающе поднял палец; казалось, он читал в самой душе мальчика.

– Никогда не пренебрегай священными обязанностями из-за праздного любопытства, – произнес он наставительно, и мальчик покраснел. Ганс вспомнил о своей доброй матери в долине, мимо чьего домика он проходил каждое утро и каждый вечер, и видел бедную женщину стоящей у окна, чтобы прошептать слова любви, материнское благословение своему единственному ребенку. Но сегодня утром ее глаза были затуманены тревогой, и когда он спросил, что случилось, она со вздохом ответила:

– Ничего, милое дитя мое, что ты мог бы изменить; я просто думаю о приближении зимы, о том, как холодный ветер будет пронизывать мой ветхий домик, о том, что у меня нет теплой одежды, чтобы защититься от него.

Все это молнией промелькнуло в голове мальчика; он с трепетом сжал руки, и мольба о помощи сорвалась с его губ.

– Правильно, сын мой, – ласково сказал старик, протягивая мальчику мелкую монетку. – Не презирай ее за жалкий вид, и никогда не используй по глупости; и когда я вернусь в следующем году, пусть сердце твое будет так же чисто, а душа доброй, какими я нашел их сейчас. Прощай.

Он ласково кивнул мальчику, снял с плеч плащ, расстелил его на камне, уселся на него с посохом в руке и закинул за спину тяжелую сумку. Плащ тут же поднялся и завис перед изумленными глазами мальчика. Старик помахал на прощанье рукой, затем указал посохом на юг, и волшебный плащ быстро, как стрела, понес его к далекому дому. Мальчик наблюдал за этим, благоговейно сложив руки. Подобно взмахам орлиных крыльев, темное одеяние двигалось сквозь белые облака; маленький человек прекрасно сохранял равновесие, направляя

полет посохом, который держал в левой руке, в то время как волшебное зеркало в правой сияло в лучах утреннего солнца, подобно диадеме из карбункулов на голове королевы змей. Наконец, последняя вспышка погасла, и мальчик снова остался один на своем скалистом сиденье, мечтательно глядя на золотую монету в своей руке. Очевидно, она много раз переходила из рук в руки, потому что требовался острый глаз, чтобы хорошенько рассмотреть изображенное на ней: с одной стороны лев Святого Марка простирал свои царственные лапы и, вскинув голову, охранял Венецию, Королеву моря, чьи ноги целует своими ласковыми волнами Адриатика, каждый год обручаясь с ней кольцом дожа. На другой стороне было отчеканено имя одного из правителей этой гордой республики. Оно было едва различимо; его давно затмила слава более поздних правителей.

Мальчик не понимал смысла изображения и надписи, но был уверен, что это очень ценный дар, несмотря на его жалкий вид, а потому бережно убрал монету в карман. Сегодня он обрадовался больше обычного, услышав звук вечернего колокола, произнес молитву с большим, чем прежде, пылом, и как на крыльях поспешил за своим стадом.

– Ты только взгляни, матушка, что я тебе принес! – радостно крикнул он в окно хижины, показывая подарок старика. – Не смейся, – горячо взмолился он, увидев улыбку матери, – это подарок доброго, могущественного человека. Положи его вместе со своими сбережениями и посмотрим, что из этого выйдет.

Когда он говорил это, глаза его так ярко светились радостью и доверием, что добрая матушка не могла позволить себе огорчать его своими сомнениями; она пообещала убрать золотую монету в ящик стола и с ласковой улыбкой пожелала сыну спокойной ночи.

* * *

Десять весен пролетели над горами и долинами Тироля, за это время многое изменилось. Молодые деревья выросли и покрылись листвой; дети стали взрослыми. Ганс пас уже не козье стадо, а стал *сеннером*, как называют в Тироле горных пастухов, и теперь все стада фермера были вверены его заботам на все время пребывания их на высокогорных пастбищах, куда он отгонял их ранней весной. Заходящее солнце освещало высокий ледник, его лучи струились на пастбище и золотым покрывалом накрывали сосны, под широкими ветвями которых стада располагались на ночь. Но Ганс не торопился ложиться; он стоял перед своей хижинкой, в которую в первый раз вошел как *сеннер*, и осматривал доверенных ему животных.

Долины дремали в вечерних сумерках, но вершины ледника пылали пурпуром и напоминали молодому человеку образ, который он долго носил в своей душе с тайной тоской; он думал сейчас, как не думал уже много месяцев, о розовом саду перед хрустальным дворцом, и о маленьком человеке, который был его товарищем на сеновале фермера каждый год, который каждую осень взбирался на гору, чтобы попрощаться с ним, а затем с сумкой, полной золота, возвращался на своей волшебной мантии в далекий дом. Он ни разу не попросил у старика позволения заглянуть в горное зеркало с тех пор, как получил серьезное предупреждение насчет праздного любопытства, и воспоминания о владениях короля Лаурина постепенно поблекли. Но его почтение к странному старику не изменилось, и каждый день он делил с ним ужин из благодарности за прощальный подарок, который Ганс давным-давно отнес домой своей матери. С тусклой старой монетой маленького человека в бедную хижину пришло благословение, и денег в ящике никогда не становились меньше. Их всегда оставалось немного, даже когда на месте полуразрушенного домика возвели крепкий и удобный дом, а после этого купили много необходимой мебели и теплой одежды на зиму. Теперь уже не было нужды тайком пробираться в дом фермера, чтобы получить лишний кусок хлеба от добросердечной фермерши, без ведома ее скупого мужа. Сначала они держали одну корову, потом две, а потом – Ганс радостно оглядел дремлющее стадо – теперь там спали четыре прекрасные коровы, собственность его матери,

которую ему разрешили отвести на горные пастбища и пасти вместе со скотом хозяина. Грубый фермер, правда, никогда не достаивал его этой милости, но прошлой осенью он уснул вечным сном, и глаза, которые теперь сияли в его доме, были так кротки и прекрасны, что ему было приятно повиноваться их взгляду. На что были похожи эти глаза? Ганс пытался вспомнить, глядя на ледник, пурпур которого сменился бледно-розовым оттенком. Да, да, теперь он знал это. Глаза Аннели, которую он любил с детства, как свою родную сестру, были точь-в-точь как у той прекрасной девушки, что гуляла в розовом саду рядом с королем гномов, и это вернуло его к его воспоминаниям.

И вот теперь он задумался, захочет ли маленький человечек, если вернется, ночевать на сеновале у фермера или, по старому обычаю, поднимется на гору, чтобы найти его здесь. Затем он услышал невдалеке что-то похожее на вздох усталого странника. Острый слух юноши внимательно следил за тропинкой, которая вела из деревни к хижине *сеннера* и теперь была скрыта тенью деревьев и темнотой наступающей ночи. Да, вздох донесся оттуда, и Ганс был готов немедленно предложить свою помощь. Он взял фонарь, схватил альпеншток и побегал по тропинке между скалами и покрытыми росой кустами. Искать ему не пришлось, потому что там, на камне у дороги, сидел карлик в темной поношенной одежде, а с его согнутых плеч свисала хорошо знакомая сумка. Молодой человек бросил быстрый взгляд на него и громко вскрикнул от радости. Это был тот самый старик, о котором он только что думал; он с благодарностью обнаружил, что старый друг не забыл его, и, несмотря на темноту и все возрастающие немощи, с трудом поднялся по тропинке в горы.

– Добрый вечер, господин, – радостно произнес он, почтительно склонившись, чтобы поцеловать иссохшую руку карлика, словно тот был королем страны. – Вы, должно быть, устали; возьмите меня под руку и позвольте мне нести вашу сумку. А теперь, соберитесь с силами; всего лишь сотня шагов или около того, – и мы в конце нашего путешествия.

С заботой и почтением, какие оказываются только великим князья, а не бедным маленьким карликам, Ганс помог старику преодолеть трудности горной тропы и переступить через порог своей хижины. Затем он поспешил снять покрывало со своего ложа из мха и расстелил его на деревянной скамье перед очагом, чтобы старик мог отдохнуть на более мягком сиденье. Развел костер и приготовил оладьи, чему его научил один из пастухов. У него не было никакого питья, кроме хорошего, сладкого, свежего молока; но рука Аннели щедро снабжала нового *сеннера*, и маленький деревянный шкафчик в углу был полон вкусных вещей из фермерского дома. Молодой человек постарался отыскать в нем что-нибудь изысканное для своего гостя. На грубом дубовом столе была расстелена белая скатерть; на нее поставлены оладьи, а рядом с ними – тарелка с яичницей и беконом, источавшими нежный аромат. Юноша с гордостью подвел гостя к накрытому столу, и оба с удовольствием принялись за еду. Потом Ганс отвел старика, – нежно, как ребенка, как своего любимого отца, – к своему ложу из мха, и когда маленький карлик опустил на него с выражением любви и благодарности, накрыл его одеялом, подобно тому как много лет назад накрывал своей курткой на сеновале. Затем он сел перед огнем, чтобы дрожащее пламя не потревожило старика, и лишь когда глубокое ровное дыхание последнего подсказало ему, что тот спит, юноша встал и вышел на свежий воздух. Ложе из мха в хижине *сеннера* было небольшим, и Ганс, чтобы не портить старику отдых, отправился на ночное пастбище, где спали стада, и улегся отдохнуть на мягком мху под старыми соснами. Они покровительственно прикрыли его своими широкими ветвями, а длинный мох, свисавший с них, скрыл спящего от посторонних глаз, в то время как бурные потоки в отдаленных ущельях пели ему колыбельную.

День прошел даже лучше, чем ему представлялось когда-то в его мальчишеских мечтах. Несмотря на двойное бремя работы, которую он, вопреки обычаю своих предшественников, взвалил на себя, полагаясь на свои силы, часы были наполнены для него счастьем. И когда день, с его быстрой сменой удовольствий и трудов, закончился, и наступил вечерний час, он

вместе со своим гостем сидел у огня и за дубовым столом; и иногда с доселе молчаливых губ старика срывались слова, наполненные глубокой мудростью.

А потом настал час отдыха, и старик лег на моховую подстилку в хижине *сеннера*; когда огонь погас, Ганс опять выскользнул под защиту старых сосен и заснул там, под колыбельную песню текущих с ледника ручьев.

Однажды теплым весенним вечером, когда зубчатая ледяная корона ледника сверкала голубоватым светом в лучах полной луны, он не пошел к своему мягкому ложу под деревьями, а поспешил в сосновую рощу, возвышавшуюся над ним на отвесной скале. С острым топором на плече, ярко блестящим в лунном свете, он шагнул по хорошо знакомой тропинке через зеленый луг к темному оврагу, отделявшему его от леса на скалистой возвышенности. Неужели мечта его детства действительно осуществилась – неужели он собирался заглянуть через волшебное зеркало в самое сердце гор? О нет. Мир духов потерял свою власть над его душой. Сейчас его мысли и желания больше, чем когда-либо, принадлежали реальной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.